

П. Коган писал: «Поэзия Радимова нужная, может быть, самая нужная поэзия в наше время. Революция уперлась в проблему крестьянина... Та великая схватка, которая началась между трудовым и паразитическим человечеством, не может решиться без него, без русского мужика, судьба революции <...> связана с тем, зажжется ли темное море крестьянства ярким светом сознания, или само зальет и загасит пылавший красный светоч.

О чем шумят листья таинственных лесов, что несут революции молчаливые равнины и что происходит там, в глубине души многомиллионной деревенской массы? Перед тайной крестьянской Руси еще осторожно останавливается русская революция».

После «Деревни» в 1920-е выходят еще две небольшие книжечки Р.: «Телега» (1926) и «Земное» (1927), содержащие стихи, выбранные из сб. «Деревня». В предисл. к последней, автором которого являлся Л. Сосновский, Р. утверждался как подлинный поэт деревни в противоположность Есенину, не бывшему, по мнению автора, ни ее «последним, ни первым поэтом». Однако в период наступившей вскоре кампании раскрестьянивания, коллективизации «Деревня» Р. была подвергнута со стороны партийной критики такой же уничижительной оценке, как и поэзия Клюева, Клычкова, Есенина (была названа О. Бескиным «книжкой сытой одурелости <...>, у которой бока распирает от самодовольного любования добром» (Певцы кулацкой деревни // Земля советская. 1930. № 3. С. 210).

В дальнейшем Р. переключается на пейзажно-описательную поэзию, в которой иногда выбиваются из общей картины компромиссные строки о социалистической идиллии: «Идет обоз гуськом из дальних деревень, / На дугах красный флаг, зная, край других не плоше; / Колхознику везти на пункт ссыпной не лень, / Как говорят: плечей своя не тянет ноша» («Зима в поселке», 1948); «Крестьянского добра прибавилось вволю, / Недаром твердый труд с весны все нивы холит» («Трудодни», 1965), а также тему героического прошлого России и ее культурных гнезд («Венок городов», 1926–62); «Подмосковье» (1929–66), создает цикл стихов «Под небом Азии» (1934–52). Последние 30 лет Р. проживал под Москвой в Абрамцеве. В дни 70-летия Р. вышел его итоговый сб. «Столбовая дорога» (1959).

Соч.: Край родной. М., 1958; Картины Подмосковья. М., 1958; О родном и близком. М., 1973; Избранные стихи. М., 1988.

Лит.: Смирнов С. Поэт-живописец // Радимов П. Картины Подмосковья. М., 1958; Солоухин В. Слово о поэте // Радимов П. Стихи пешехода. М., 1968; Громов А. Павел Радимов // Радимов П. О родном и близком. М., 1973; Железнов И. Художник, поэт, гражданин // Радимов П. Избранные стихи. М., 1988; Старшинов Н. Лицо, лики и личины. М., 1996.

А. И. Михайлов

РАДЛОВА (урожденная Дармолатова) Анна Дмитриевна [22.1(13.2).1891, Петербург — 3.11.1949, с. Переборы Ярославской обл.] — поэт, переводчик.

Отец Р. был личным дворянином. После окончания Высших женских (Бестужевских) курсов Р. увлекается худож. словесностью. Писать стихи начала с 1915, 3 стих. были опубликованы в ж. «Аполлон».

В 1918 выходит первая книга стихов Р. — «Соты». В это время Р. уже достаточно известна в лит. кругах Петрограда, выступает на лит. вечерах. В стих., вошедших в «Соты», читатели видели продолжение ахматовских традиций «дневниковой» лирической поэзии, фиксирующей моменты глубоко интимных душевных переживаний с помощью удачно схваченной «внешней», камерной, пластической детали («Есть час в моей ночи, когда не благодать, — / Нисходит тишина торжественно и плавно, / И на твоём лице дано мне угадать / Улыбку нежную проснувшегося фавна»).



А. Д. Радлова

Следующие две книги стихов Р.— «**Корабли**» (1920) и «**Крылатый гость**» (1922) — свидетельствуют о преобразении творческого метода поэтессы. «Для Анны Радловой смысл и освящение и последняя мера величайших событий в том, что возвращается словам их бессмертная и потому так легко в сердцах людских умирающая правда... — писал о «Кораблях» В. Чудовский.— В этом маленьком сборнике... открывается разительное явление: для этого поэта слова стали опять совсем простыми и сильными простотой своей. Хлеб, любовь, кровь. И еще смерть — „добрая смерть“... И очень часто — Бог. Я хочу в этом видеть признак возрождения в русской поэзии словесного примитивизма» (Начала: Журнал истории литературы и истории общечеловечности. Пб., 1921. № 1. С. 209). Стремление Р. преодолеть «художественность» стихотворного текста, сковывавшую свободу непосредственного эмоционального лирического излияния, приветствовал М. А. Кузмин, увлеченный в начале 1920-х эстетикой т. н. «эмоционализма» (в 1923 в группу «эмоционалистов» войдет и Р.). Кузмин отмечал «огромный путь, который прошла Радлова с первых своих шагов до последнего сборника, где перед нами подлинный и замечательный поэт с большим полетом и горизонтами, в строках которого трепещет и бьется современность (не в „пайковом“ смысле) и настоящее человечье сердце» (Кузмин М. А. Условные стилизации под «библейскую простоту», адекватную «библейской» же значительности переживаемых Россией событий (1920–23), вызывала и негативные оценки. Так, Э. Ф. Голлербах видел здесь лишь подражание позднему Блоку, прежде всего — блоковской поэме «Двенадцать». «Подражательность всегда рабство и слабость,— заключал Голлербах.— И подделка даже под величайшего поэта современности не составляет никакого приобретения для подражательницы» (Вестник лит-ры. 1921. № 3. С. 9). «Скупой и однообразной» называл поэзию Р. Б. Гусман (Гусман Б. Сто поэтов. Тверь, 1922. С. 223), а М. Шагинян видела в «примитивизме» Р. лишь «небрежность стиля» (Петроградская правда. 1923. № 151).

После выхода третьей книги стихов Р. увлеклась переводами. Трагедии Шекспира, переведенные ею, были поставлены ее мужем, известным режиссером С. Э. Радловым на нескольких сценах и имели значительный успех. Однако принципы перевода, выдвинутые Р. и апробированные прежде всего в ра-

боте над Шекспиром, вызвали грандиозную полемику в 1936–40, бушевавшую на страницах периодики и завершившуюся на Шекспировской конференции в 1940. Сущность полемики емко сформулирована одним из ее участников: «Радлова сводит Шекспира с тех ходулей, на которые его ставили переводчики, режиссеры, актеры. Она хочет вернуть Шекспира земле. Не риторический, ораторский, адвокатский Шекспир, а вся его плоть и кровь, его мясо и мускулы. В этом крупная культурная заслуга Радловой. Но не слишком ли много этой „плоти“, этой „земли“...» (Юзовский Ю. Разговор затянулся за полночь: Статьи разных лет. М., 1966. С. 160). Резко и непримиримо выступил против «живого Шекспира» Р. К. И. Чуковский: «Дело шло о сплошном огрублении Шекспира, об огрублении его мыслей, его лексикси, его интонаций, его стихового звучания, его синтаксиса, о страшном огрублении психики его персонажей и всех их человеческих отношений. Советскому народу не нужен такой одичалый и отупелый Шекспир, ему нужен Шекспир — гуманист, Шекспир — лирик, Шекспир — вдохновенный и тонкий поэт» (Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1941. С. 180–181). Между тем в статье о Р. в IX т. «Лит. энциклопедии» (М., 1935) ее переводы названы «шедеврами», точно воссоздающими характер оригинала (С. 502). В защиту Р. выступили актеры (в т. ч. А. А. Остужев), которые видели в радловских версиях шекспировского текста путь к преодолению рутинных «шекспирообразных» постановок с их тяжелой риторикой и статичностью.

Блокадную зиму Р. и ее муж провели в Ленинграде. Весной 1942 эвакуировались в Пятигорск вместе с Театром им. Ленсовета. Летом того же года Пятигорск заняли фашисты, и труппа театра была депортирована в Германию. Впоследствии Анна и Сергей Радловы жили в Париже, где в 1945 встретили союзнические войска. В том же году Радловы вернулись в Советский Союз, были обвинены в измене родине и отправлены в лагерь. Р. скончалась в лагере, посмертно реабилитирована.

Соч.: Стихотворения. Л., 1991. (Серебряный век).

Лит.: Гайдабура В. Так расскажи правдиво... // Советская культура. 1989. 22 авг. С. 6.

Ю. В. Зобнин

РАЕВСКИЙ Георгий (настоящее имя Георгий Авдеевич Оцуп) [29.12.1897(10.1.1898), Царское Село — 19.2.1963, Штутгарт] — поэт, мемуарист.